

Igor Sandler
Мелания

Iren Sandler

Мелания

«Издательские решения»

Sandler I.

Мелания / I. Sandler — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504424-2

Она некрасива. Лицо даже не стоит того, чтобы о нём говорили. А глаза, в них всегда таится грусть и печаль. Нос и губы замечательно дополняют друг друга своим... уродством. Мир Мелании разделён на хороших и плохих, на красивых и ужасных. Каждый добрый поступок влечет за собой красоту внешней оболочки, отражая душевное состояние человека. А если кто-то выбирает путь зла, его гиблая душа оставляет на нём отпечаток уродства. Она не выбирала пути зла. Она просто некрасивая, мечтающая о красоте.

ISBN 978-5-00-504424-2

© Sandler I.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Свободы ради	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мелания

Iren Sandler

© Iren Sandler, 2019

ISBN 978-5-0050-4424-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«... что есть красота И почему ее обожествляют люди? Сосуд
она, в котором пустота, Или огонь, мерцающий в сосуде?»*

Н. Заболоцкий

*«Тупа и некрасива!» —
Ей кричали вслед,
«Будь проклята, тупица!» —
Слышала в семье.
В сознание ей вливалась
Ненависть везде,
Грудь бешено вздымалась
В кришачей темноте.
Она уйти хотела
Из мира пустоты,
Но встретился ей смелый
Рыцарь доброты.
Он протянул ей руку
И увёз с собой.
Конечны всегда муки,
Смелее, душа, пой!
— Автор*

Пролог

Солнце уходит за горизонт, позволяя ночи захватить весь мир своей тёмной сущностью. Некогда яркие краски стали темнее и незаметнее. Ночью весь мир становится бледным и как будто незаметным. А я всю жизнь в тени, словно в беспробудном сне. Никто меня не замечает, а если кто встретит – сразу старается исчезнуть из моего поля зрения. Нет на свете людей, что поймут некрасивых.

Наши злые дела сделали нас такими. Такими уродливыми, вызывающими лишь отвращение и чувство вражды.

Идя по мостовой, я случайно задела девушку, на ней было замечательное платье цвета небесной синевы в предзакатный час, украшавшее не менее замечательное лицо. Да, она была красива: миндалевидный разрез глаз, радужка которых переливалась всеми оттенками синего, и чуть пухлые губы, окутанные детской невинностью, которые слегка раскрылись в ужасе при встрече со мной. Светлые локоны развевались на лёгком ветру.

Она была идеальна.

Но явно не ожидала увидеть в этой части города некрасивую, но что поделать, если мне здесь нравится. Взглянув на меня, на моё лицо и неопрятный вид, девушка лишь с отвращением вздохнула.

Все на меня так смотрят. А всё потому, что я некрасивая.

Свободы ради

– Мелания! Ну где же ты?! – хриплый голос, доносящийся из-за разваливающейся двери, заставляет меня поднять голову с тонкой подушки.

– Иду!

С утра пораньше только одна женщина может испортить настроение, которое, казалось бы, и так всегда на нуле. Каждое утро начинается с одного и того же: крик матери раздаётся на весь дом, да так, что каждый раз у меня кровь льётся из ушей. А цель её утреннего сеанса крика чаще всего состоит в том, чтобы я снова что-нибудь своровала на базаре к завтраку. Она считает, что в этом и состоит моя судьба: быть воровкой. Приучала она меня к этому делу лет с семи, восьми.

Первый раз она просто потребовала у меня хлеба. Наивная девчонка отказать не смогла, но искренно не понимала, откуда хлеб достать: денег-то нет. На это возражение властная женщина рассмеялась мне в лицо, в каждой её морщинке таилась усмешка, каждый брошенный взгляд сквозил унижением.

Ответом на мой наивный вопрос было краткое утверждение: «Укради».

Право выбора я потеряла ещё до рождения, не говоря уже о настоящем времени: её воля – моя цель.

Надев потёртые джинсы, которым уже давно пора на свалку, расчесав грязные волосы, которые ни за что не станут чистыми, пока я совершаю плохие дела, и, накинув кожаную куртку, я вышла из комнаты, громко захлопнув дверь, тем самым хоть как-то выражая своё недовольство.

Пол скрипел под ногами, завывая песнь бедности, нищеты и грязи, пыль вихрем поднималась в воздух после каждого моего шага, с потолка давно посыпался слой штукатурки.

На кухне сидит мать, закинув ногу на стол и поедая яблоко явно не первой свежести. Напротив, подперев голову руками, сидит мой старший брат, Кир, гордость семьи.

Пару лет назад рядом с ним сидел бы отец, но теперь его нет. Он умер, оставив свой путь зла, свою «миссию», как он злорадно выражался брату. О его преступлениях говорит весь город, но никто не может доказать его виновность. Доказательством им служит только внешность брата: спутанные волосы цвета уличной грязи, шрам поперёк лица, полученный от матери в три года, массивное тело и рубашка, которая вот-вот разорвётся на его пузе – всё говорит о его аморальной сущности, но внешний вид давно перестал быть причиной для ареста, именно этим он и пользуется.

– Мелания, ну сколько можно ждать?! – прокуренный голос матери возвращает меня в реальность, выводя из раздумий. Как же она меня достала! Никчемная женщина. И почему я не могу противостоять ей, моей ужасной матери?

– Столько, сколько нужно, – уныло боромочу почти что про себя, в лучших традициях нашей семьи ногой отодвигаю стул и сажусь рядом с Киром. Тот, с отвращением взглянув на меня, продолжил смотреть в окно, его голову, скорее всего, занимала мысль о новом возможном преступлении. Как обычно.

Иногда я думаю, зачем ему это? Зачем убивать невинных, мучить несчастных? Сначала я думала, что всё это ради денег, но когда выразила свою мысль братцу, тот лишь рассмеялся мне в лицо, напомнив ржание старой кобылы. В следующий раз, когда он вернулся с окровавленным ножом, я взглянула в его глаза. Там царило удовольствие, счастье от проделанной работы. Тогда я поняла, что труд даже если и доставляет человеку удовольствие, это не значит, что труд идёт во пользу общества.

– Мелания! Не дерзи матери! Значит так, – выкинув недоеденное яблоко в окно, она встала и нависла надо мной. Массивные груди так и норовили прилипнуть к моему лицу. Противно. Так она показывает свою власть. Не люблю, когда она так делает: в последний раз, после приказа матери в такой злобной форме, я чуть не погибла, – Киру требуется помощь.

– И? – надеюсь, я здесь не причём, – Я-то что могу сделать?

– Мелания! Ты. Поможешь. Киру. Ясно?! – она медленно дышала, при каждом её выкрике мне приходилось вдыхать омерзительный воздух. Но я не буду её марионеткой. Встав со стула, который с грохотом упал, смотрю ей в глаза.

– Ну уж нет! Не в этот раз. Я не буду ему помогать, – виновник этой ссоры даже не обращал внимания на нашу словесную баталию: Кир всё также смотрел в окно, подперев голову руками. Как же он меня достал!

– Ах ты ж! Ду-ура! Посмела матери дерзить? – последовала звонкая пощёчина. Уверена, след её уродливой руки краснеет сейчас на моей щеке. Приложив руку к тому месту, чувствую жжение. Одинокая слеза коснулась моей руки. Я проиграла. Опять.

***

Снимая джинсы замечаю на ногах шрамы, что красуются на всём моём теле: следы маминей злости, моих неповиновений. Большинство из них я получила в шесть лет, когда мать уличила меня в подкармливании соседской кошки.

Выходя на улицу, я всегда замечала одного и того же котенка, рыжего, беззащитного, с каждым днём становившегося всё более облезлым и тощим. При взгляде на него в груди ныло, и я невольно сравнивала нас: оба брошенные судьбой, оба сломленные. Да, уже в шестилетнем возрасте, я поняла никчемность своего существования.

Котёнке нравились. Гуляя в следующий раз, я заглянула на базар. Я украли, хоть и не впервые, но в этот раз ради добра. Украли хлеб, но не себе, хотя и сама частенько голодала.

Смотря, как котёнок аппетитно поедает кусок чёрствого хлеба, как он поддается моим прикосновениям, слушая его мурлыканье с ноткой счастья, мои губы растягивались в широченную улыбку.

Это был мой единственный друг детства. Мы были нужны друг другу. Вместе с ним я была счастливой, настоящей.

Добрые дела не остались бесследными. Я тогда впервые в отражении зеркала увидела красивую девочку, с красивыми, стройными ножками. Счастье переполняло меня, но как это обычно бывает в жизни: белые полосы сменяются чёрными, но не всегда чёрные полосы сменяются на белые.

Мать узнала. Не вытерпев того, что её дочь способна на добрые поступки, она изуродовала мои ноги ударами ремня.

Каждый удар отпечатался в моём сознании, ремень хлестал беспощадно и бесконечно долго. Было больно. Жгло везде. Я помню её крики злости, помню свой страх. До сих пор смотря на неё, вспоминаю обиженную шестилетнюю девочку.

В тот день я пролила столько слёз, сколько, наверно, не пролила и за всю мою оставшуюся жизнь.

Но на этом безумная женщина не остановилась: выбежав на улицу с окровавленным ремнём, она с сумасшедшим блеском в глазах бегала по всей улице в поиске того котёнка, я умоляла оставить его, пощадить. Но тут пришёл отец – единственный человек, которого я боялась больше матери. Он взял меня в охапку, давая молчаливое согласие на совершение ужаснейшего преступления.

Мать нашла котёнка: он забился в уголок, чувствуя приближающуюся угрозу, с крыльца дома я видела, как он боялся, я чувствовала всю его сущность. Но не могла ничем помочь.

Она схватила его за шкуру. Котёнок брыкался, мяукал, но никто его не слышал. Никто, кроме меня.

В одной её руке – ремень со следами моей крови, в другой – беззащитный котенок.

Слёзы непроизвольно побежали по моим щекам от внезапного осознания происходящего. Волосы прилипли к лицу, было больно. Я рыдала со всей искренностью ребёнка, и даже отец не мог сдержать мои резкие движения в истерике.

Теперь брыкался не только он, вместе с ним дёргалась и я. Его держала мать, меня – отец.

Она размахнулась с ремнём в руке и нанесла удар. Крик на всю улицу оглушил меня. Теперь он не дёргался, а лишь беспомощно висел в маминой руке. Она грубо держала его за шкуру, хищными глазами смотрела на меня, мол, видишь, ты не имеешь права любить, я убью всё, что дарит тебе хоть малую радость.

Я кричала, вырывалась, но хватка отца крепла словно сталь. Слезы обжигали, но помочь не могли.

Ещё удар. Он дернулся. Кровь капала на землю вместе с комочками рыжей шерсти. Я лишь смотрела на всё это, время остановилось, хотелось умереть вместе с ним.

Удар.

Последний.

Жалобное мяу.

И смерть.

Вместе с ним тогда умерла светлая я, на свет родилась новая – жестокая, не способная любить.

***

– Чего тебе? – задаёт вопрос продавщица-бабулька, хотя и назвать её так сложно. Ни морщинки на лице, я бы и не дала ей даже сорока. Единственный её недостаток – лишний вес, значит, не такой уж она и ангелочек. Недостатки просто так не появляются, все это – последствия отрицательных поступков.

Это единственный базар во всём городе, где даже некрасивые могут закупаться продуктами. Ну как закупаться? Большинство, например наша семья (а точнее я), ворует. Каждое утро меня посылают на этот базар за пропитанием и многие продавцы, зная меня, редко подпускают к своему прилавку. Однако сегодняшняя бабулька меня видит впервые, а значит и не подозревает ни о чём.

– Да я пока посмотрю, – улыбаюсь ей настолько мило, насколько это возможно с моей внешностью, но она не перестаёт смотреть на меня с подозрением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.